

Е. И. КИСЛОВА

ИЗДАНИЕ ПРИДВОРНЫХ ПРОПОВЕДЕЙ В 1740-е ГОДЫ*

Данная статья посвящена некоторым аспектам бытования придворных проповедей — произведений церковного красноречия, которые играли заметную роль в культуре XVIII в. Под проповедью мы в данном случае понимаем любые «слова» («проделки», «казанья»), которые произносились по воскресным и праздничным дням в церкви, независимо от их светской или богословской тематики.

Тексты этого жанра редко попадают в поле зрения исследователей. Наряду с другими изданиями «слова» относительно полно перечислены и описаны в существующих каталогах кирилловской печати XVIII в.,¹ однако отдельно как жанр они практически не описывались.² 1740-е гг. — первые годы правления Елизаветы Петров-

* Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ для поддержки молодых российских ученых (номер гранта МК-1256.2011.6).

¹ Срезневский В. И., Бем А. Л. Издания церковной печати времени императрицы Елизаветы Петровны. 1741—1761. Петроград. 1914; Описание изданий, напечатанных кириллицей 1689 — январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич. М.; Л., 1958; Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. / Сост. А. С. Зернова, Т. Н. Каменева. М., 1968; Список разыскиваемых изданий, не вошедших в «Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века»: 1701—1800 / Сост. Т. Н. Каменева, Т. И. Кондакова. М., 1971; Каталог русских книг кирилловской печати петербургских типографий XVIII века (1725—1800) / Сост. Т. А. Быкова. Л., 1971; Каталог изданий кириллической печати Московской типографии XVIII века: В 2-х вып. / Сост. Т. А. Афанасьева. Л., 1986, 1987; Гусев А. А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010.

² Отдельные аспекты затронуты в кн.: Луттов С. П. 1) Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; 2) Книга в России в послепетровское время: 1725—1740. Л., 1976. Также см.: Афанасьева Т. А. Публицистические и панегирические издания кирилловской печати XVIII века // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Сб. науч. трудов. Л., 1984. С. 166—175 (обзор панегирического книгопечатания всего XVIII в.).

ны — единодушно признаются временем наивысшего расцвета проповеднического искусства, однако сам этот период в большинстве работ охарактеризован только в общих чертах; обычно упоминается о смене тематики проповеди и любви императрицы к «церковному красноречию».³ Историки русской литературы и русского языка обычно не рассматривают литературу «церковную», сосредоточиваясь на развивающейся светской литературе. В работах по истории гомилетики авторы почти всегда переходят от произведений Феофана Прокоповича и Гавриила Бужинского к проповедям Гедсона Кривоногова, Гавриила Петрова и Платона Левшина, реже — ограничиваются упоминанием 2—3 наиболее известных авторов.⁴

Задача настоящей работы — на основе документов из архива Синодальной типографии (РГАДА. Ф. 1184), а также документов и дел Синода рассмотреть, как эти тексты производились, издавались и продавались. Эти факты позволят лучше понять ту роль, которую играли проповеди в 1740-е гг. не только в церковной, но и в светской культуре, так как проповеди этого периода теснейшим образом были связаны с придворной культурой, являлись составной ее частью и нередко отражали те же тенденции, что и светская литература.

В первую очередь мы рассмотрим следующие аспекты бытования проповедей в период их наибольшего расцвета — т. е. в первое десятилетие правления Елизаветы Петровны: законодательные акты, регламентирующие проповедническую деятельность и публикацию проповедей; издание проповедей; продажа проповедей.

Общеизвестно, что Петр I хорошо понимал важность проповеди в культуре новой России: «Для Петра было очень важно не только закрепить реформы путем многочисленных указов и распоряжений, но и оправдать их, объяснить их необходимость в проповедях. Именно это обстоятельство с самого начала чрезвычайно стимулировало развитие проповеди».⁵ На активизацию проповедничества были направлены не только положения «Духовного регламента», но и отдельные статьи в указах о монашестве.⁶ В идеале, нарисо-

³ См., например: *Терновский Ф.* Религиозный характер русских государей XVIII в. // Труды Киевской духовной академии. 1874. Октябрь. С. 1—26; *Смолич И. К.* История Русской Церкви. М., 1997. Т. 8. Ч. 2.

⁴ См., например: *Заведеев П.* История русского проповедничества от XVII века до настоящего времени. Тула, 1879; *Зубов В. П.* Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М., 2001; *Аверкий (Таушев).* Руководство по гомилетике. М., 2001; *Ветелев А., Козлов М.* Учебный курс по истории проповедничества Русской Православной Церкви для 4 класса. Загорск, 1990.

⁵ *Смолич И. К.* История Русской Церкви. С. 18.

⁶ Духовный регламент // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. VI. № 3718; О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении Семинарии и госпиталей / Полное собрание законов Российской Империи. СПб., 1830. Т. VII. 1723—1727. С. 226—233.

ванном законодательством, именно еженедельное поучение должно было стать основной «работой» монашества. Но в первой половине XVIII в. проповедничество вне двора — при монастырях и семинариях в уездных городах — только начинало зарождаться. Активно развивалось главным образом придворное проповедничество.⁷ Уже тогда отдельные проповеди Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского и других проповедников публиковались, однако такое издание имело прецедентный характер: проповеди издавались по личному повелению императора. При Анне Иоанновне печатались единичные тексты (отдельные проповеди Феофана Прокоповича, проповедь епископа Вологодского Амвросия Юшкевича на бракосочетание Анны Леопольдовны и принца Антона Брауншвейг-Люнебургского «на российском и латинском языках»), хотя издавались указы, направленные на стимуляцию проповедничества (например, «О предиковании в Московских церквах в торжественные и приличные дни» 1730 г.⁸).

Массовое произнесение и печатание «предик» началось в эпоху Елизаветы Петровны. 5 мая 1742 г. императрица требует обязательного чтения проповедей «во всякие праздничные и воскресные дни» (указ объявлен в Синоде Амвросием Юшкевичем 7 мая и датирован в делах 14 мая). Однако еще до него в присутствии императрицы проповедовали Амвросий Юшкевич (18 декабря 1741 г.), Маркелл Родышевский (26 декабря 1741 г. и 28 марта 1742 г.), Стефан Калиновский (1 января 1742 г.), Димитрий Сеченов (25 марта 1742 г.), Кирилл Флоринский (11 апреля 1742 г.) и Порфирий Крайский (16 апреля 1742 г.). В Успенском соборе Москвы 18 декабря 1741 г., в день рождения императрицы, произносил проповедь Кирилл Флоринский, последняя также была опубликована. Наличие официального придворного проповедника Стефана Савицкого, назначенного 10 января 1742 г., заставляет предположить, что произносились также и другие проповеди, но издания были только эти.

В том же указе от 5 мая содержится первый примерный список проповедников, составленный Синодом: «... в придворной Ея Императорскаго Величества церкви в будущий воскресный день, то есть сего месяца 16 дня, проповедь слова Божия учинить обретающемуся в Москве Киевобратского училищного монастыря архимандриту и ректору Сильвестру Кулябке, и о том ему объявить, а впредь оно исполнять в воскресные дни по очереди, а именно по 16 числе нижеследующим архимандритам: Илариону Савинскому [Григоровичу], Белоградскаго Николаевского монастыря Афанасию Антоновичу [Тапольскому], Антонию Новоспаскому [Илляшевичу], Герману

⁷ Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 748—752.

⁸ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. 1730. СПб., 1901. Т. X. С. 800—801.

Андрониковскому [Барутовичу], Платону Малиновскому, игумену Иерониму Волчанскому, Троицкого Сергиева монастыря наместнику иеромонаху Антонию [Нарожницкому], иереям: Лейб-кампании Иоанну [Кословичу], Лейб-гвардии конной Михаилу [Красильникову], большого Успенского собора Иоанну Змилевскому, Стефану Левицкому, Архангельского собора Антипе Мартинианову, Успенскому, что в Кожевниках, Остафью Могилянскому, Никиты Христова мученика за Язую Ивану Иванову да церкви Иоанна Воиственника диакону Николаю Ефремову, и о том им для надлежащего исполнения в Святейшем Синоде объявить с подписками.⁹

Можно предположить, что Сильвестр Кулябка заранее готовил проповедь к означенному дню и указ только зафиксировал положение дел. В противном случае не может не вызвать восхищения его оперативность: он действительно подготовил проповедь к 16 мая («В неделю самаряныни»), хотя обычно авторам требовалось для подготовки «предики» от нескольких недель до нескольких месяцев работы, требовавшей освобождения от других «трудов». Например, 3 апреля 1744 г. для приготовления проповедей «уволены от трудов исправления Библии» епископ Платон Сарский и архиепископ Амвросий Юшкевич. Первому предстояло говорить «предику» 25 апреля, в день коронации императрицы; второму — 15 июля, в день вечного мира с Швецией.¹⁰ В РГАДА сохранилась также подпись Хутынского архимандрита Дамаскина, который свидетельствовал, что к произнесению проповеди 1 января 1750 г. он готовился с ноября 1749 г., «и никто другой в том ему помощником и сочинителем не был и не видал даже до того времени, как он в присутствии Ея Императорского Величества оную проповедал». ¹¹

Важным представляется особое указание на личное авторство Дамаскина и отсутствие у него помощников: очевидно, требование авторской ответственности было связано только с придворной проповедью. При семинариях случаи «покупок» проповедей или оплата помощи в их подготовке были обычным делом.¹²

Чтение проповеди при дворе в присутствии императрицы требовало еще большего напряжения. Неудивительно, что список проповедников, предложенных Синодом, отличается от списка тех, кто действительно говорил «предики». По различным причинам проповеди не читали архимандрит Новоспасского монастыря Антоний Илляшевич («был занят по Типографии»), наместник Троицкого Сергиева монастыря иеромонах Антоний Нарожницкий (находился

⁹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. 25 ноября 1741—1743 гг. СПб., 1899. Т. I. С. 121.

¹⁰ Там же. Т. II. 1744—1745. СПб., 1907. С. 57—58.

¹¹ РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 152. Л. 1.

¹² Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. С. 745, сноска.

в монастыре, а не в Москве), архимандрит Андрониева монастыря Герман Барутович (уволен от проповеди «для монастырских нужд»), архимандрит Виленского Свято-Духова монастыря Иероним Волчанский (уволен «некоего ради благословнаго случая»), диаконы Иван Иванов («не докончил школьнаго учения и был только один год в реторике») и Николай Ефремов («5 лет одержим главною болезнию»).¹³

В делах Синода сохранились списки (к сожалению, не всегда полные) назначенных к проповеди иереев с отметками о произнесении и издании проповеди или произошедшей замене.¹⁴ Наиболее полный список проповедей за 1742 г., составленный нами по материалам документов Св. Синода, а также описей и архивных дел РГАДА («Дело о печатании предик» за 1742 г.,¹⁵ «Реестр церковных и гражданских книг, напечатанных со времени основания типографии»¹⁶), насчитывает 36 текстов, принадлежащих 26 авторам. К ним нужно добавить тексты, изданные гражданским шрифтом в типографии Академии наук в Санкт-Петербурге (6 текстов 4 авторов), а также 4 проповеди Арсения Могиланского, изданные гражданским шрифтом в Москве в типографии при Сенате. Две проповеди Димитрия Сеченова и одна из проповедей Маркелла Родышевского были изданы одновременно в Москве и Санкт-Петербурге. Таким образом, в 1742 г. было издано 43 проповеди 28 авторов. Не были напечатаны произнесенные проповеди Арсения Могиланского (7 июня и 22 августа), лейб-гвардии конной иерея Михаила (3 октября), Стефана Савицкого (7 ноября и 5 декабря), Платона Левицкого (30 ноября), Иоанна Комаровского (12 декабря), епископа Тверского Митрофана (18 декабря), Маркелла Хрисанфова (26 декабря).¹⁷

Таким образом, точно известно о 51 проповеди, произнесенной в 1742 г. при дворе. Особенно в летние месяцы требование указа проповедовать «во все праздничные и воскресные дни» выдерживалось. Например, в июле проповедовали: 4-го — Стефан Савицкий, 8-го — Димитрий Сеченов, 11-го — Евстафий Могиланский, 15-го — Кирилл Флоринский, 18-го — Иоанн Комаровский, 25-го — Михаил Красильников. Возможно, бывали ситуации, когда проповедь читалась на богослужениях два дня подряд; например, 16 октября — Арсений Мацеевич, 17 октября — Иоанн Змилевский (обе проповеди напечатаны), 7 ноября — Стефан Савицкий (не напечатана), 8 ноября — Амвросий Юшкевич (напечатана).

¹³ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. 1742. СПб., 1915. Т. XXII. С. 175—177.

¹⁴ Там же. С. 175—189.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4.

¹⁶ Там же. Оп. 4. Д. 217.

¹⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. 1742. Т. XXII. С. 176—177. Проповедь Арсения Могиланского от 8 декабря 1742 г. числится в делах Синода как изданная, однако никакой информации о ней обнаружить не удалось.

Объяснением такой частоты проповедей и связанных с ними богослужений, на которых присутствовала императрица, возможно, являются не только коронационные торжества в Москве. В первые годы правления Елизаветы, формируя образ православной монархини, очень часто посещает богослужения, этому уделяется большое внимание двора. Например, записи в придворных журналах за 1741—1742 гг. содержат упоминания о регулярных посещениях императрицей богослужений и в некоторых случаях даже фиксируют имя проповедника,¹⁸ тогда как в 1748 г. отмечены только два крестных хода, на одном из которых Елизавета не присутствовала.¹⁹ Это свидетельствует о снижении интереса императрицы к проповедям, об уменьшении роли Церкви в формировании образа монархини. Этому факту соответствует и значительное уменьшение количества изданных Синодальной типографией «предик», а также, очевидно, и числа произнесенных проповедей к 1750-м гг.: 1742 г. — 36 текстов, 1743 г. — 20, 1744 г. — 16, 1745 г. — 7, 1746 г. — 6, 1747 г. — 4, 1748 г. — 1, 1749 г. — 11, 1750 г. — 4, 1751 г. — 3, 1752 г. — 1 текст. К концу 1740-х гг. публиковались в основном проповеди, произнесенные на важнейшие государственные праздники, в первую очередь — 25 ноября, на день восшествия на престол Елизаветы Петровны. Аналогичным выглядит процесс и в Санкт-Петербургской типографии: 1742 г. — 6 текстов, 1743 г. — 7, 1744 г. — 3, 1745 г. — 1, 1750 г. — 1, 1759 г. — 1, 1760 г. — 1 «проповедь и слово», в остальные годы — ни одного.²⁰

Частота проповедей в начале 1740-х гг. неизбежно приводила к необходимости включать в процесс всех возможных кандидатов. Среди «предикаторов» были как высокообразованные люди, известные риторы, например ректор Московской духовной академии Кирилл Флоринский, так и дьяконы, учителя семинарий, священники московских церквей. Существовала ли обязательная проверка проповеди до произнесения? Однозначного ответа на этот вопрос документы не дают. Очевидно, это каждый раз решалось в зависимости от статуса и известности конкретного автора.

От любой проверки были освобождены члены Св. Синода; причем даже в указе о чтении проповедей наизусть и о необходимости подтверждения того, что текст «к назначенным дням имеется в конечной твердости», подчеркнута: «кроме святейшаго синода членам».²¹

¹⁸ Придворный журнал 1741—1742 гг. СПб., 1883. С. 32, 39.

¹⁹ Придворные журналы 1743—1748 гг. СПб., 1913. С. 81.

²⁰ Исключение — издание «Собрания разных поучительных слов...» Гедсона Криновского, вышедшего в типографии при Академии наук в 1755—1759 гг.

²¹ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. П. С. 345.

В некоторых случаях о такой проверке рядовых проповедников известно точно. Так, на 22 августа 1742 г. был назначен к проповеди «священник церкви Николая чудотворца, что на ямах, Стефан Боявинский»: готовую проповедь он должен был «сказать в церкви 12 апостол, что в синодальном доме, для апробации, при членах Св. Синода, а в небытность их — при академическом ректоре».²² Опасения Синода не были беспочвенными, и проповедь либо не была подготовлена, либо не прошла «апробацию»; вместо Стефана Боявинского в этот день читал проповедь Арсений Могилянский.

Вторым отмеченным случаем проверки была ситуация, связанная с проповедью на 27 июня 1744 г. На этот день назначен был «кто-либо из Московской Славяно-греко-латинской академии — или ректор, или префект, или кто из учителей по разсуждению ректорскому». Вероятно, в результате каких-то интриг императрице за несколько дней стало известно о неких погрешностях в подготовленном к проповеди тексте: «25 июня 1744 г. синод. член, архимандрит Троицкий Арсений предлагал, что 23 июня Ея Величество повелела Св. Синоду объявить: ежели проповедь на 27 июня готова, то оную в Св. Синоде освидетельствовать, не явится ль во оной против веры лютеров и кальвинов и союзу мирному противных речений, и если таковыя окажутся, то оную отменить. Тогда же проповедь свидетельствована в собрании и в ней противныя речения означились, чего ради и разсуждено оную оставить».²³

Однако в других случаях проверка перед произнесением не упоминается, и можно думать, что применялась она далеко не ко всем проповедникам, а только к тем, кто по каким-то причинам вызывал сомнения Синода.

Многие указы, связанные с проповедями, имели прецедентный характер. Например, 30 ноября 1745 г. императрице не понравилась проповедь на праздник Андрея Первозванного, произнесенная «учителем Александро-Невской семинарии иеромонахом Кременецким»,²⁴ что вызвало ограничение для произнесения проповедей по должности. 20 декабря был дан указ: «...дабы впредь в знатнейшие и торжественные праздники, в кои предикам быть прилично, при высочайшем Ея Императорскаго Величества присутствии произносили б оныя сами синодальные члены».²⁵ К числу таких праздников были отнесены Новый год — 1 января, день коронации — 25 апреля, день вступления на престол — 25 нояб-

²² Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. 1742. Т. XXII. С. 176.

²³ Там же. С. 184.

²⁴ Очевидно, речь шла о префекте семинарии Гаврииле Кременецком; с 1748 г. — архимандрит Новоспасского монастыря и член Св. Синода, впоследствии — митрополит Киевский.

²⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. II. С. 458.

ря, «кавалерский праздник» Андрея Первозванного — 30 ноября, день рождения императрицы — 18 декабря. Проповедь могла быть и в другие дни, но определенные указом 5 дней требовали обязательного ее произнесения.

Занятость членов Св. Синода и сложность подготовки проповеди приводили к нередкому нарушению этого распоряжения. 1 января 1747 г. проповедовал Вениамин Пуцек-Григорович, в это время — архимандрит Спасо-Преображенского монастыря в Казани;²⁶ членом Св. Синода он станет только в 1753 г. Его проповедь была издана «на общих основаниях». Однако 1 января 1750 г. проповедовал Хутынский архимандрит Дамаскин Аскаронский (впоследствии архимандрит Ипатьевского монастыря, затем епископ Костромской). Его проповедь, очевидно, вызвала у императрицы сомнения в его авторстве (см. подписку, приведенную выше). 25 марта 1752 г. императрице стало известно, что на Страстную пятницу запланирована проповедь все того же Дамаскина. Последовало распоряжение духовнику Феодору Дубянскому объявить Синоду следующее: «Ея Императорское Величество определенному от Св. Синода в будущую на сей Страстной седмице пятницу в придворной Ея Императорского Величества церкви проповедь говорить Хутыня монастыря архимандриту Дамаскину не соизволяет, а для чего в таковые и в прочие приличные дни в придворной Ея Императорского Величества церкви не сами, по должности своей, синодальные члены проповеди говорят, но архимандритов, а иногда иеромонахов определяют, то Ея Императорскому Величеству весьма неугодно, и дабы впредь в надлежащие дни в придворной Ея Императорского Величества церкви проповеди слова Божия говорили сами Синодальные члены, а протчих бы определять собою не дерзали...»²⁷

С 1742 г. при дворе существовала также должность придворного проповедника. Она появилась 10 января 1742 г., когда на нее был назначен Стефан Савицкий (дьякон Петропавловского собора), до этого времени занимавший должность катехизатора в академической гимназии²⁸ и остававшийся придворным проповедником до 1748 г.

Можно предположить, что проповедовать ему приходилось часто. В 1742 г. он произносил проповеди минимум 4 раза²⁹ (4 июля, 10 октября, 7 ноября и 5 декабря), однако издана была только первая.

²⁶ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. М., 2007. С. 294.

²⁷ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. 1746—1752. СПб., 1912. Т. III. С. 467—468.

²⁸ Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1889. Т. 5. С. 78.

²⁹ Чаще проповедовал только учитель грамматики Спасского училищного монастыря Арсений Могилянский — 5 раз (21 мая, 7 июня, 22 августа, 26 сентября, 8 декабря).

31 января 1743 г. Синод ходатайствует перед императрицей о назначении ему помощника, аргументируя эту необходимость нехваткой в Санкт-Петербурге ученых духовных персон, способных читать проповеди.³⁰ «Верноподданнейший доклад» о назначении помощника Савицкому был подан, а до получения решения предписано было проповедовать «Петропавловского собора соборянам». Вторым придворным проповедником указом от 11 марта 1743 г. был назначен священник московской Успенской в Кожевниках церкви Евстафий Могилянский.³¹

Однако даже два проповедника с трудом справлялись с почти еженедельными проповедями. Составленную речь необходимо было заучить наизусть, что Савицкий, например, не всегда успевал сделать и потому читал по бумаге.³² Проповеди Савицкого крайне мало издавались, хотя современники оценивали его проповеднический дар высоко: нам известны всего 3 текста («Слово в неделю четвертую по сошествии Св. Духа». М., 1742; «Слово в неделю 18 по сошествии Св. Духа». СПб., 1742; «Слово в неделю по просвещении». СПб., 1743). Проповедей Евстафия Могилянского за 1742—1744 гг. напечатано 6.

Очевидно, что издание придворных проповедей охватывало только меньшую часть произносившихся проповедей. Например, проповеди Арсения Мацевича, сохранившиеся в позднейших списках, составляют 12 томов, которые содержат, по подсчетам Евгения (Болховитинова), 217 поучений;³³ также известно о существовании двух рукописных сборников проповедей Димитрия Сеченова.³⁴ К концу 1740-х гг. проповедь входит в моду, распространяется не придворное проповедничество, в 1770-е гг. обогнавшее по числу изданных текстов придворную проповедь. Однако рукописи неизданных проповедей сохранились плохо, поэтому в первую очередь опубликованные проповеди позволяют нам составить представление об этом интереснейшем жанре духовной литературы.

Как уже было сказано, наиболее яркой чертой, выделяющей первое десятилетие царствования Елизаветы Петровны в истории

³⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 294.

³¹ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. 1742. Т. XXII. С. 179.

³² В связи с таким инцидентом 29 апреля 1745 г. был издан отдельный указ об обязательном чтении проповедей наизусть, см.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. II. С. 345.

³³ *Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-латинской церкви. М., 1995. С. 47.

³⁴ *Филарет (Гумилевский)*. Обзор русской духовной литературы 1720—1858 гг. (умерших писателей). Чернигов, 1863. С. 79.

духовной литературы, является активная публикация проповедей. Именно Елизавета Петровна сделала издание произнесенной проповеди нормой новой придворной, а затем и российской культуры.

25 марта 1742 г. архимандрит Димитрий Сеченов произнес в присутствии императрицы слово на Благовещение. 31 марта 1742 г. последовал указ, касавшийся не только печати конкретной проповеди, но и регламентировавший общее издание «предик», произнесенных в присутствии императрицы: «...у реченного архимандрита Димитрия означенную проповедь за его подписанием взяв (и оставя с нея в Канцелярии Святейшаго Синода копию), отослать в Московскую Типографию, в которой оных без продолжения напечатать ползавода (600 экз. — *Е. К.*) и для всенароднаго известия пустить в продажу, а напред того оных по прежнему обыкновению пятьдесят взнестъ в Святейший Синод, причем и о цене оных, по какой именно за включением тех пятидесяти на прочия, по истинной цене станут, и в продажу произведены быть должны, показать, а впредь где кем в присутствии Ея Императорского Величества проповедуемое будет, оные за свидетельством проповедавших, объявлять в Святейшем Синоде немедленно».³⁵

Следует отметить, что указ об обязательном издании проповедей, произнесенных в присутствии императрицы, вышел за полтора месяца до указа об обязательном произнесении в присутствии императрицы проповедей во все воскресные и праздничные дни. Были изданы также проповеди, произнесенные до этого указа: «Слово на день Рождества 26 декабря 1741 г.» Маркелла Родышевского и «Слово на новый год, 1 января 1742 г.» Стефана Калиновского (обе — СПб., 1742 г.), однако неизвестно, были ли они изданы независимо от указа или уже после его появления.

Почему же потребовалось обязательное издание? Очевидно, роль духовной литературы как важнейшего инструмента формирования общественного мнения была хорошо понята Елизаветой. Изданные придворные проповеди стали типом текстов, который мог донести до основной массы населения, чуждой светской культуры, необходимые положения и представления. Проповеди оказывались необходимы для формирования образа новой императрицы. Собственно, Елизавета проявила себя здесь как достойная дочь своего отца: именно так подходил к «предикам» и Петр. И несмотря на то что тематика проповедей при Елизавете как будто отходит от проблем политических, проповедники формируют в текстах образ новой монархини, разъясняют действия императрицы, создают и поддерживают мифологию нового царствования.

³⁵ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 84.

Именно проповеди в середине XVIII в. заполняют нишу духовной литературы: они, в отличие от чуждых основной массе населения од и светских панегириков, входят в традиционную культуру. Они освящены авторитетом Церкви, поэтому гораздо легче могут донести нужное толкование указов, объяснить истинный смысл того или иного действия монархини, будь то победа над Швецией или выбор невесты для наследника. Издание проповедей изначально ориентировано «для всенародного известия»:³⁶ это формулируется и в указах о печатании. Важность издания подчеркивается его срочностью: проповеди печатаются «денно и ночью, дабы в очередном деле в печатании книжном не учинилось остановки»,³⁷ особо же подчеркивается небольшая стоимость текстов — 5 коп. «в тетрадах»³⁸ и 6 коп. — в переплете: «...вышеозначенные предики в тетрах продаю в народ производить надлежит по явленной цене каждую по пяти копеек, понеже оная предика напечатана на бумаге первого сорта целых на четырех листах, и по таковой цене продаю в народ может произойти в непродолжительном времени, ибо по оной малой цене всяк может купить охотно».³⁹

Из каждого тиража 50 экземпляров откладывалось «в поднос»: 25 — «трудящимся проповедникам для подносу Ея Императорскому Величеству и прочим персонам», остальные 25 — в Синод «синодальным членам, обер-прокурору, обер-секретарю, экзекутору и секретарям, да типографскому суперинтенданту, секретарю и справщикам».⁴⁰ Обычно часть из них оформлялась в переплет «в золотой бумаге и по обрезу золотом», остальные — в переплет «в красной бумаге». Себестоимость проповедей была низкой: они печатались на бумаге первого, чаще второго сорта, и даже после того как стоимость переплета «подносных» экземпляров входила в цену проповедей, идущих в продажу, их себестоимость составляла 4.5 коп.⁴¹

Параллельно с изданием придворных проповедей законодательство обращает внимание на просвещение «простого народа», которым должны заниматься в том числе проповедники. 30 июля 1742 г. издается указ «О сочинении различных книг в руководство священнослужителям при поучениях»,⁴² 19 ноября 1742 г. — указ «О подтверждении духовенству чтением предик, толкованием катехизиса и букваря, а наипаче образом собственного благочестного

³⁶ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Л. 26.

³⁷ Там же. Л. 29.

³⁸ С 1743 г. — 6 коп.

³⁹ Там же. Л. 35 об.

⁴⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 138.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Л. 43, 44.

⁴² Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 168 --169.

жития удерживать своих пасомых от лености, пьянства, татъбы и других пороков»,⁴³ 4 июля 1744 г. — «О понуждении получившего образования духовенства к усердному проповедничеству»,⁴⁴ 19 ноября 1750 г. — «О неуклонном исполнении священнослужителями Московских соборов, Успенского, Благовещенского и Архангельского, с академическим образованием, очередного в соборах проповедования слова Божия и преподавания Катехизиса»⁴⁵ и т. д. Минимальной обязанностью священников было преподавание катехизиса; однако в идеале они обязаны были говорить полноценные проповеди — и издание придворных «предик» давало им надежные образцы. По той же модели будут действовать Гавриил Петров и Платон Левшин, чье «Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни» предложило рядовым священникам набор текстов для произнесения и одобренный властью образец для создания собственных «слов».⁴⁶

Важно отметить, что в 1740-е гг. отдельные проповеди издавались и гражданской печатью в типографии Академии наук. Наиболее значимые (например, «Слово на бракосочетание Петра Феодоровича и Екатерины Алексеевны» Симона Тодорского) были опубликованы и в Синодальной типографии в Москве, и в Академической — в Санкт-Петербурге. Подобное издание вводило проповедь и в светский, и в традиционный тип культуры, делало ее универсальной.

Формальной причиной «гражданских» изданий в 1740-е гг. была, очевидно, попытка ускорить сам процесс: 23 марта 1743 г. Синод определил отсылать предики для публикации в типографию при Академии наук, так как при самом Синоде не было отдельной типографии, а пересылка в Москву занимала время. Типография Академии наук издавала проповеди в гражданской орфографии и меньшими тиражами; причем первая порция из 50 проповедей от каждого издания, положенных Синоду «безденежно», была прислана из типографии без переплета «за недостатком в Академии наук денег».⁴⁷ После указа в типографию Академии наук были отосланы 3 проповеди Арсения Могилянского и 2 — Стефана Савицкого. Однако практика «академических» изданий в 1740-е гг. приживалась плохо: за 1743—1745 гг. издано всего 12 текстов, тогда как в Синодальной типографии — 31.

Каким же образом осуществлялось издание проповедей? Согласно первому указу от 31 марта 1742 г., непосредственно после произ-

⁴³ Там же. С. 253.

⁴⁴ Там же. Т. II. С. 161.

⁴⁵ Там же. Т. III. С. 294—296.

⁴⁶ Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 397.

⁴⁷ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. 1742. Т. XXII. С. 181.

несения проповедник обязан был представить в Св. Синод собственноручно написанный текст, который затем должен был отправиться в Синодальную типографию — но только после его рассмотрения и одобрения Синодом. Такая модель вызывала проволочки: «...от некоторых проповедников в присутствии Ее Императорского Величества сказываемые предики уже чрез немало продолжительное время и поныне в Святейший Синод еще не поданы, а от которых и поданы, лежат без надлежащего для издания оных в печать Святейшего Синода определения».⁴⁸ Процедура была упрощена указом от 4 ноября 1743 г.: члены Св. Синода получали право отсылать проповеди непосредственно в типографию для публикации; проповеди других проповедников должны были рассматриваться Синодом по-прежнему.

На авторов, медлящих представить текст, должен был воздействовать синодальный экзекутор. Промедление по вине автора могло быть весьма значительным: например, проповедь Стефана Калиновского, члена Св. Синода, произнесенная 25 ноября 1742 г., была прислана в Синодальную типографию только 2 февраля 1744 г. и вышла 13 апреля 1744 г.

Чаще всего рассмотрение в Синоде касалось только рекомендации «исправить в орфографии», т. е. перед публикацией скорописный текст трансформировался в стандартную церковнославянскую орфографию.

Попытки более серьезных изменений уже произнесенных текстов были редкими и, очевидно, требовали определенной процедуры. Так, при издании проповеди члена Св. Синода Симона Тодорского на день восшествия на престол 25 ноября 1747 г. отдельные орфографические и грамматические изменения, предложенные справщиками, обсуждались на заседании Синодальной конторы в Москве и затем были посланы для одобрения самому автору в Санкт-Петербург.⁴⁹ Все изменения касались орфографии: употребления фиты, омеги и жицы, написаний суффиксов сравнительной степени, окончаний прилагательных, отдельных падежных форм существительных. Последовательно устранялись фонетические и морфологические украинизмы и черты живого произношения автора. Только после одобрения автора был издан корректурный экземпляр, содержащий единичные поправки.

Подобная орфографическая правка производилась и при издании в типографии Академии наук, что особенно хорошо заметно при

⁴⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 454.

⁴⁹ См.: *Кислова Е. И.* Редакторская работа над проповедью в Синодальной типографии в середине XVIII в. // Мат-лы XV Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Секция «Филология». М., 2008. С. 137—140.

сравнении текстов, изданных в двух орфографиях, с сохранившейся рукописью.⁵⁰ В некоторых случаях в качестве редактора выступала лично императрица; например, она велела переправить заглавные буквы на обложке уже изданных речи и проповеди Арсения Могиланского.⁵¹

Автор мог и не согласиться с предложенными Синодом изменениями. Так, 1 апреля 1743 г. учитель Александро-Невского монастыря иеромонах Амвросий Каминский произнес в присутствии императрицы проповедь, которая вызвала сомнения у Синода, однако проповедник «просил выписать из проповеди сумнительныя места, по которой де выписке он и учинит о всем изъяснение, ибо де ему оных переправлять не можно, потому что де им та проповедь публично читана при Высочайшем Ея Императорского Величества присутствии».⁵² По нашим данным, проповедь напечатана не была.

Редчайшим случаем было изъятие уже изданной проповеди из продажи: во время пребывания императрицы в Киеве архимандрит Киево-Печерской лавры Тимофей Щербацкий говорил речь и проповедь, которые были присланы в типографию Академии наук через его покровителя князя М. Воронцова. Они были изданы в конце 1744 г., однако уже 18 февраля 1745 г. последовал указ об их изъятии из печати, так как текст требовал множества исправлений.⁵³ Предполагалось подготовить новое издание, однако сделано это не было.

Как осуществлялось само издание в Синодальной типографии?

Проповеди поступали в Синодальную типографию неравномерными порциями, иногда действительно сразу после произнесения, иногда со значительной задержкой. Важно, что при публикации обычно указывалась не только дата произнесения, но и дата выхода проповеди из печати: разрыв составляет от 1 до 2—3 месяцев в 1742 г., в более позднее время может доходить до 1—2 лет.

Судя по «Делу о печатании предик» за 1742 г.,⁵⁴ проповеди представлялись к публикации («объявлялись») секретарем типогра-

⁵⁰ См.: *Кислова Е. И.* О «гражданской» и «церковнославянской» публикации одного текста середины XVIII века // *Славянские языки и культуры в современном мире: Междунар. науч. симпозиум (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 24—26 марта 2009 г.): Труды и материалы.* М., 2009. С. 158—159.

⁵¹ *Материалы для истории Императорской Академии наук. 1746—1747.* СПб., 1895. Т. 8. С. 80.

⁵² *Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. 1742.* Т. XXII. С. 181.

⁵³ *Материалы для истории императорской академии наук. 1746—1747.* СПб., 1895. Т. 8. С. 180, 197, 274, 275.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Документы, связанные с изданием проповедей, были выделены в отдельные дела и сохранились. В настоящее время нам известны 3 подобных дела: РГАДА. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4 — за 1742 г.; Ф. 1184. Оп. 2. Д. 30 — за 1743 г.; Ф. 1184. Оп. 2. Д. 47 — за 1744 г., датировано 1745 г. Дела за последующие годы либо не сохранились, либо не были заведены как

фии Андреем Чупреяновым, который получал их либо лично от обер-секретаря Св. Синода Якова Леванидова, либо по почте. Во время пребывания двора в Москве достаточно было устного объявления; когда двор переехал в Санкт-Петербург, потребовались сопроводительные документы. Подобный отдельный документ сохранился за 1744 г. — «Указ о печатании проповедей Стефана Калиновского».⁵⁵ В типографии накапливались порции от 2 до 6 текстов. Так, 24 августа, 30 августа, 7 сентября и 9 ноября Андрей Чупреянов «объявил предики», произнесенные 25 июля Михаилом Красильниковым, 18 июля Иоанном Комаровским, 8 августа Стефаном Левицким и 16 октября Арсением Мацеевичем.⁵⁶ Последний текст ждали около 2 месяцев, вероятно чтобы не разбивать «завод»: каждая проповедь имела тираж в 600 экз., т. е. в ползавода. Уже 18 ноября все тексты были готовы;⁵⁷ таким образом, разрыв между датой произнесения и датой выхода из печати в случае с первым текстом составил почти 4 месяца, а в случае с последним текстом — 1 месяц.

Тираж проповедей не был жестко регламентирован, предполагалось напечатать столько, «сколько в продажу произойти уповательно».⁵⁸ Для 1742—1744 гг. обычный тираж проповеди составлял 600 экз., т. е. ползавода. С 1744 г. тиражи падают из-за перенасыщения книжного рынка и составляют 300 экз. Однако некоторые проповеди публиковались и полными заводами — по 1200 экз. Такие тиражи могут представляться небольшими, однако необходимо учитывать количество текстов: по данным «Реестра церковных и гражданских книг, напечатанных со времени основания [Синодальной] типографии»⁵⁹ за 1742 г., было издано 24 000 экз. различных проповедей (тираж еще трех не указан). Далее тиражи падают: 1743 г. — 8400 (тираж пяти текстов не указан), 1744 г. — 4200 (тираж пяти не указан), 1745 г. — 3300, 1746 г. — 3600, 1747 г. — 1200, 1748 г. — 300, 1749 г. — 2100 (тираж четырех не указан), 1750 г. — 1200, 1751 г. — 900, 1752 г. — 300. Таким образом, только достоверно известные тиражи проповедей, изданных Синодальной типографией, составили за 1741—1752 гг. 49 500 экз. Если принять для семнадцати изданий без указанного тиража минимальный из зафиксированных для проповедей тираж в 300 экз., то к ним нужно будет добавить еще минимум 5100.

отдельные единицы, так как по сравнению с 1742 г. объем работ по «предикам» резко уменьшился.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Д. 1243.

⁵⁶ Там же. Ф. 1184. Оп. 2. Д. 4. Л. 3.

⁵⁷ Там же. Л. 2.

⁵⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. I. С. 138.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 4. Д. 217.

Закономерным становится вопрос, находила ли проповедь свой рынок сбыта? Многие издания XVIII в. так и не продавались, пополняя списки «гнилых, ветхих и в продажу не идущих книг». Однако спрос на духовную литературу был стабильным: «Такие мелкие издания, как проповеди, покупались в значительно большем количестве, чем книги. Например, из числа 186 изданий, купленных в мае 1739 г., 168 составляли проповеди».⁶⁰ А ведь это период правления Анны Иоанновны, когда проповеди почти не произносятся и тем более почти не издаются.

По сохранившимся архивным документам оценить объем продаж проповедей можно только фрагментарно. В частности, такие данные предоставляют «Книга записная продажным типографским книгам и листам» 1743 г.,⁶¹ «Книга записная продажным... церковным и гражданским книгам и листам» 1747 г.,⁶² «Реестр оставшихся книг после продажи в казенной лавке» 1743 г.,⁶³ «Книга приема книгам и листам расходчика Андрея Иванова от бывшего расходчика Андрея Шестакова» 1743 г.,⁶⁴ «Росписной список отданный от расходчика Федора Федорова расходчику Василию Павлову» 1762 г.⁶⁵ Записные продажные книги позволяют оценить динамику продаж и спрос на проповеди; реестры оставшихся книг и книги приема позволяют оценить объем нераспроданных текстов.

При анализе записной книги 1743 г. обращает на себя внимание неравномерность продаж: в день могло продаваться от 0 до 600 экз. «предик». Если полностью доверять приведенным данным, то можно предположить, что продажи от 1 до 15 проповедей в день отражают покупки в розницу; партии от 100 экз. и выше могли приобретаться купцами для перепродажи. Составитель записной книги 1743 г. почти всегда отмечает авторов «казаний». Так, например, 15 января было куплено 200 проповедей на 8 июля 1742 г. Дмитрия Сеченова («Казание Сеченого второе в тетратех двести по пяти копеек каждое на 10 рублей»⁶⁶), 18 января — сразу 600 таких же проповедей, 21 января — еще 100 его же проповедей на 25 марта 1742 г., 28 января — 800 его же проповедей на 25 марта 1742 г. За январь общая выручка составила 2244 руб. 55 коп., из них проповеди Дмитрия Сеченова принесли 55 руб. (или 2.5% всей выручки). Неудивительно, что обе проповеди Дмитрия Сеченова — «Слово на Благовещение» и «Слово на день явления иконы Казанской Богоматери» — требовали переиздания почти сразу, в 1743 г., причем аргументом для

⁶⁰ Луннов С. П. Книга в России в послепетровское время: 1725—1740. Л., 1976. С. 118.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 645.

⁶² Там же. Д. 740.

⁶³ Там же. Оп. 4. Д. 34.

⁶⁴ Там же. Оп. 1. Д. 680.

⁶⁵ Там же. Оп. 4. Д. 192.

⁶⁶ Там же. Д. 645. Л. 9 об.

решения о переиздании выступал спрос покупателей: «напечатать с прежних оригиналов с каждой по 1му заводу то есть по 1200 предик, понеже напечатанные в прошлом 1742м году в продаже все, а ныне оных предик купцы требуют непрестанно...».⁶⁷ «Слово на день явления иконы Казанской Богоматери» было также переиздано в третий раз — в 1746 г. Нужно отметить, что параллельно распродавались эти же тексты, изданные в 1742 г. в типографии Академии наук гражданским шрифтом.

И хотя таким спросом пользовались единичные произведения, общий спрос был относительно устойчивым. Например, 11 марта 1743 г. были проданы следующие проповеди: Сильвестра Кулябки на 16 мая — 6 экз. по 6 коп., 24 — по 5 коп.; Иоасафа Хотунцевского на 27 мая — 9 экз. по 6 коп., Стефана Савицкого на 4 июля — 13 экз. по 6 коп., Афанасия Тапольского на 30 мая — 19 экз. по 6 коп., Платона Малиновского на 20 июня — 6 экз. по 6 коп. и 80 по 5 коп., Маркелла Родышевского — 1 экз. по 6 коп. и 72 по 5 коп., всего на сумму 12 руб. 4 коп. На следующий день, 12 марта, продано проповедей Арсения Мацеевича на 29 июня 9 экз. по 5 коп., Стефана Савицкого 13 экз. по 6 коп., проповедей Платона Петрункевича на 6 августа 14 экз. по 6 коп. и 55 по 5 коп., Кирилла Флоринского на 15 июля 10 экз. по 6 коп. и 70 по 5 коп., Арсения Мацеевича на 5 сентября 20 экз. по 6 коп., всего на 10 руб. 17 коп. За два дня был продан 421 экземпляр проповедей.

Кто мог приобретать проповеди? Купцы для перепродаж на ярмарках — сам факт покупки 100 или 200 экземпляров определенной «предики» свидетельствует о том, что этот тип текста представлял коммерческий интерес. Рядовые читатели, интересовавшиеся духовной литературой: на некоторых сохранившихся проповедях есть владельческие записи. Учителя провинциальных семинарий, где уже развивалось проповедничество; провинциальные священники, использовавшие «образцовые» проповеди как материал для собственных.⁶⁸

Спрос не оставался постоянным: в апреле 1743 г. не продано ни одного текста из исследуемого комплекса. В июне продавались проповеди Михаила Красильникова (71), Стефана Левицкого (32), Арсения Мацеевича (47), Антипы Мартинианова (35), Иоаникия Скабовского (38), Димитрия Сеченова (75). Небольшим, но устойчивым спросом пользовались проповеди предшествующих царств, например «Слово на погребение государыни императрицы Екатерины Алексиевны» Феофана Прокоповича (2 экз. — 8 июня, 1 — 9 июня,

⁶⁷ Там же. Оп. 2. Д. 30. Л. 4 об.—5.

⁶⁸ А. Ю. Самарин предположил возможность использования «административного ресурса» самих авторов для организации закупок своих проповедей епархиями и семинариями; это представляется нам возможным, однако требует дальнейших исследований.

2 — 11 июня, 3 — 13 июня, 4 — 14 июня, 1 — 15 июня, 2 — 16 июня, 3 — 17 июня и т. д.)

Всего с января по конец июня 1743 г. было продано 3416 экземпляров проповедей, изданных в 1742 г., не считая продажи изданий сходной тематики и более ранних проповедей.

В 1747 г. спрос на проповеди несколько снижается. Точно так же продолжают продаваться и единичные экземпляры «предик», и партии в 100—400 экземпляров. Но, к сожалению, в книге 1747 г. не отмечены авторы продающихся проповедей, поэтому можно составить представление только о количестве проданных экземпляров. Например, в июне 1747 г. были проданы: 1 июня 6 «казаний разных», 3-го — 9, 4-го — 11, 6-го — 7, 9-го — 5, 10-го — 8, 11-го — 400, 13-го — 3, 15-го — 6, 16-го — 6, 18-го — 10, 20-го — 4, 22-го — 3 (наряду с 1 экз. «Приветствия императорскому величеству в прибытие от чужестранных краев»), 25-го — 8, 26-го — 3, 30-го — 15. Выручка за проповеди составила 30 руб. 24 коп. — это 2.4% всей выручки за месяц. Параллельно в типографской лавке лавочником Федором Федоровым было продано «казаний разных» 200 экз. на 12 руб. (1.6% всей выручки лавки за июнь).

Всего с февраля по декабрь 1747 г. типографской конторой и типографской лавкой было продано 2590 экземпляров проповедей, изданных в предшествующие годы. Это меньше, чем за 6 месяцев 1743 г., что свидетельствует об уменьшении интереса к этому типу текстов и о насыщении рынка сбыта.

Важную информацию содержит «Книга росписаная приема московской типографии разного звания церковным и гражданским в переплете и в тетратех книгам и листам по ценам новоопределенных расходчика канцеляриста Андрея Иванова от бывшего расходчика кацеляриста Андрея Шестакова 1743 года июля с 1го числа».⁶⁹ При передаче дел в казенной лавке произошла опись нераспроданных книг, и в частности — проповедей, изданных в 1742 г.⁷⁰ Сравнение этих данных с тиражами (за вычетом 50 «подносных») позволяет определить число распроданных в 1742 г. проповедей: 8 695 экземпляров. В то же время можно выяснить (хотя и условно, так как проповеди находились в продаже в разное время), чьи тексты пользовались наибольшей популярностью. Кроме уже упоминавшихся проповедей Димитрия Сеченова это «Слово в день Петра и Павла» Арсения Мацевича 29 июня (распродано 474 экз. из 600), «Слово в день Вознесения Господня» Иоасафа Хотунцевского на 27 мая (804 экз. из 1200), «Слово в неделю четвертую по сошествии Св. Духа» Стефана Савицкого на 4 июля (367 экз. из 600), «Слово при присутствии императрицы» Маркелла Родышевского на 22 июня (356 экз. из 600), «Слово в неделю двадцать вторую по сошествии Св. Духа»

⁶⁹ РГАДА. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 680.

⁷⁰ Там же. Л. 48 об.—64.

Амвросия Юшкевича на 8 ноября (699 экз. из 1200), «Слово в день тезоименитства» Арсения Мацеевича на 5 сентября (335 экз. из 600) и др. Меньше всего было продано проповедей, произнесенных в октябре—ноябре и только вышедших из печати: «Слово в неделю 25 по сошествии Св. Духа» Иосафа Горленка на 28 ноября — 32 экз. из 600; «Слово в неделю 24 по Всех Святых» Евстафия Могилянского на 21 ноября — 65 экз. из 600; «Слово в неделю 20 по Всех Святых» Стефана Левицкого на 24 октября — 80 экз. из 600 и т. д. Всего же на начало 1743 г. в типографии хранится 11 437 экземпляров нераспроданных проповедей — в переплете и в тетрадах.

В 1749 г. вновь проходит опись книг Синодальной типографии, ее результаты отражены в «Книге описной Московской Типографской конторы имеющимся в оной типографии приему бытности камисара Никифора Рагозина остаточным за расходом разного звания церковным и гражданским в переплете и в тетратех книг и листов принятых от бывшего камисара Данилы Евреева генваря с 1го числа 1749 года».⁷¹ У лавочника Федора Федорова в это время в продаже находилось 100 экземпляров «предик разных», у лавочника Федора Санина — ни одной; в «казенных кладовых полатах» же хранилось «казаниев разных в бумажном переплете» 11 578 на сумму 694 руб. 69 коп.⁷² Однако при оценке этого числа необходимо учитывать 2 факта: во-первых, общий тираж проповедей с 1742 по 1749 г. составил минимум 47 100 экземпляров; таким образом, нераспроданными оставались меньше четверти проповедей. Общая стоимость «исправных» церковных книг и листов, не проданных к моменту описи и находившихся у лавочников и на складе, составила 70 261 руб.;⁷³ таким образом, стоимость нераспроданных проповедей составила всего 0.9%.

Следующая опись относится уже к 1762 г.: «Росписной список, отданный от бывшего у приходу и расходу книжной казны в 1761ом году расходчика Федора Федорова определенному в 1762м году расходчику Василию Павлову церковным и гражданским и подносным книгам и листам».⁷⁴ Важно отметить, что у лавочников (Василия Павлова и Ивана Иванова) отдельных «казаниев» царствования Елизаветы Петровны уже не хранится: только «Гедеоновы проповеди», изданные в 1755—1759 гг., а также издания сходной тематики первой половины XVIII в. «Предики» хранятся в «казенных кладовых полатах церковных книг»⁷⁵ и в продажу, видимо, больше не поступают: «проповедей разных» указано 10 012 экземпляров на 600 руб. 72 коп. Отметим, что их число уменьшилось сравнительно

⁷¹ Там же. Д. 664.

⁷² Там же. Л. 20 об.

⁷³ Там же. Л. 61.

⁷⁴ Там же. Оп. 4. Д. 192.

⁷⁵ Там же. Л. 13.

с 1749 г. на 1566 экземпляров: видимо, проповеди все-таки продолжали покупать.

Всего «церковных и гражданских книг в десть в полдесть в четверть в восьмуху», а также «листов грьдорованных кунштов» в трех типографских лавках и на складах хранилось на сумму 51 787 руб. 4.75 коп. (не считая книг и листов без цены), т. е. проповеди составляют всего 1.1%. Дальнейшая их судьба нам не известна: очевидно, рано или поздно они могли пойти на обертки.

Отдельные проповеди, изданные в 1740-х гг. в типографии Академии наук, в 1787 г. изымались в лавках Москвы из продажи по указу Екатерины II, запрещающему продавать в светских лавках и при светских типографиях книги, изданные не при Синоде и без одобрения Синода и Комиссии народных училищ.⁷⁶ Таким образом, не были распроданы за 45 лет «Слово в день коронации» Петра Гребневского 1742 г. — 230 экз., «Слово на день Рождества» Маркелла Родышевского 1742 г. — 235 экз., «Слово на Новый год» Стефана Калиновского 1742 г. — 30 экз.

Необходимо отметить, что в провинции «предики» Елизаветинской и даже более ранних эпох были актуальны и в конце XVIII в. — например, в среде священников, как материал для создания собственных проповедей. В частности, в РГАДА хранятся сборники-конволюты последней четверти XVIII в., которые включают в себя не только переписанные от руки проповеди Петровской, Аннинской и Елизаветинской эпох, но и вставленные печатные тексты.

Таким образом, активное произнесение и издание проповедей в церковнославянской орфографии, преимущественно в Синодальной типографии Москвы, было ярким процессом Елизаветинской эпохи, особенно в 1740-х гг. При Петре и Екатерине I проповеди печатаются преимущественно в церковнославянской орфографии в типографиях Александро-Невского монастыря, в Синодальной типографии Санкт-Петербурга и Москвы; при Анне Иоанновне — в гражданской орфографии в типографии при Академии наук в Санкт-Петербурге. С середины 1760-х гг. почти все проповеди публикуются в гражданской орфографии в типографиях Московского университета, Академической типографии Санкт-Петербурга, а в 1770—1790-х гг. — также в частных типографиях Москвы, Ярославля, Нижнего Новгорода и других городов.

К концу 1760-х гг. печатная проповедь перестает носить исключительно государственный характер; с одной стороны, «слова» сближаются с приветственными речами (нередко объединяясь с ними в одном издании — посвященном какому-либо памяtnому событию), граница между проповедью и приветственной или поздравитель-

⁷⁶ Полное собрание законов Российской империи. 1783–1788. СПб., 1830. Т. 22. С. 875—876, 882—883.

ной речью серьезно размывается. С другой стороны, поводы для произнесения и издания проповеди становятся более частными. Если при Петре, Анне Иоанновне и Елизавете Петровне проповедь связана исключительно с действиями правителя и государства, то при Екатерине и ее наследниках возможны издания проповедей «на погребение супруги действительного статского советника Никиты Артемоновича Муравьева, Сарры Петровны»,⁷⁷ «при выпуске из Императорского Шляхетного сухопутного кадетского корпуса»⁷⁸ или «при отбытии из Воронежской на Коломенскую епископию».⁷⁹

На протяжении всего XVIII в. проповеди произносились, публиковались и пользовались постоянным спросом. В первой половине века они одновременно заполняли нишу духовной литературы и служили идеальным проводником государственных идей. Несмотря на то что книгопечатание превышало этот спрос, как часто бывало в XVIII в., все-таки бóльшая часть текстов распродавалась. Представленный материал позволяет хотя бы приблизительно оценить бытование придворных проповедей в культуре Елизаветинского периода.

⁷⁷ Слово при погребении супруги действительного статского советника Никиты Артемоновича Муравьева, Сарры Петровны. Говореннос Большаго Успенскаго собора ключарем иереем Петром Алексиевым декабря 14 дня, 1768 года. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1768].

⁷⁸ Слово при выпуске из Императорскаго Шляхетнаго сухопутнаго кадетскаго корпуса г[оспод] кадетов пятаго приема. Говоренное в корпусной церкви архимандритом Анастасием [Братановским — Романенко] июля 28 дня 1793 года. СПб.: При оном же Корпусе, [1793].

⁷⁹ Слово к воронежской пастве, Которое преосвященный Мефодий [Смирнов], епископ бывший Воронежский, что ныне Коломенский и Тульский, проповедал в Воронежском Благовещенском соборе при отбытии своем из Воронежской на Коломенскую епископию мая 1799. М.: Губ. тип., у А. Решетникова, 1799.